

A man wearing a brown hat and a dark vest over a light-colored shirt is sitting at a bar counter. He is looking towards a woman with long, dark, wavy hair who is wearing a red dress. They are both looking at each other. On the bar counter, there is a white cup of coffee. The background is a dark, starry night sky with a bright, glowing light source in the center.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.**

Сборник 15

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 15

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Шансон в тебе самом. Сборник 15 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

В сборнике 15 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сад	5
Причина отца	7
Предмет отражения	8
Старый пустырь	11
У крыльца	12
Март	13
Полу-свидание	14
Пруд	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 15

Сад

Сад большой. И на яблонях яблоки.
Сад плодовый, созревший уже.
А в саду - все дорожки да ямочки;
А в тебе – ни единой изъяночки;
А в тебе – ни единой изъяночки;
А во мне - хорошо на душе.
Хорошо, моя милая, хорошо, моя милая,
Хорошо, что так мило в саду!
Хорошо, моя милая: помню, были счастливыми,
Помнишь, были счастливыми, где теперь я бреду.
Из Болонии шавки кудрявые
Норовят все пометить в саду.
Стар он, сад. Его ветви корявые,
Как и ветки подроста кудрявые,
Как и ветки подроста кудрявые, -
Много лет в придорожном аду.
Эх, тебя бы, мой сад, вместе с милою,
Эх, тебя бы, с любимую-милою,
В тот бы ад, где гуляли счастливыми,
Где теперь я без счастья бреду.
Мчатся сотни машин, в сотни множатся:
Нет им края, как небу Москвы.
А подъяблоньки с нежною кожицей, -
Словно, в прятки играют: мне рожицы
Словно, в прятки играют, и рожицы
Все кривят из зеленой ботвы.
Норовят подглядеть, как мы с милою,
Посмотреть, как с любимую-милою,
Хоть и было давным-предавно, -
Целовались и пили вино.
Слышен говор степенный за ветками;
Тихо льется в стаканы вино...
Метит старость корявыми метками –
Пустотой и отсохшими ветками,
По живому скребущими ветками, -
Дерева, что устали давно.
Хорошо на душе моя милая,
Хорошо под душой, моя милая,
И в душе, помнишь, были счастливые
Мы душевно с тем садом в ладу.
Я ни шатко, ни валко, стороночкой,
Словно, гостем незванным, иду.

Старый сад завернул мягкой кромочкой,
Моей юности меченой тропочкой,
Моей нежности утренней тропочкой,
На душе потеплело в саду.
Моей нежности утренней тропочкой,
Я, все вспомнив о прошлом, пройду...

Причина отца

Отец тебя не одобряет,
Не понимаю я его,
Тебя нашел я в куцах рая,
Но лишь не верит он в него.
Ты терпишь все, твой взор доверчив,
Стоишь тихонько да молчишь,
Но этим ты, как сладкий перчик,
Всю ситуацию горчишь.
В словах отцовских, грубоватых,
Во взгляде, - в коем чувства врозь,
Причин судьбы замысловатой
Я не пытаю. Нет и слез!
Постичь я не пытаюсь рая
В отца истерзанной судьбе;
В любви доковылявший края, -
Он - плуг, застывший в борозде.
Он прямоты твоей не знает,
Не знает, как умеешь ты,
Меня любя, себя из рая
Извлечь тотемом красоты.
Отец из тишины эдемной
Уроков не извлек. Ну, что ж,
Ты мудростью своей тотемной
Всю ситуацию спасешь!
Я все вверяю в ваши руки,
Причин не ведая любви,
Я не хочу душевной муки:
Я не хочу любви в крови.
Причин любви не постигая;
Ее не мыслю я конца.
Но также в бесконечном рае, -
Увы, я это будто знаю, -
Мне не постичь причин Отца.
И даже в бесконечном рае, -
Увы, я это будто знаю, -
Нам не постичь причин Отца.

Предмет отражения

Я к чреслам ближе, трогал их коленкой,
В тебе я отражался - свет туши!
Вдруг ты отгородилась твердой стенкой,
И вышла вон. Ну что ж, пока. Пиши!
Включи лишь свет, уйдя с ухмылкой ясной!
Быть может, и увидишь ты вослед,
Что я предмет, быть может, - не ужасней
Того, в чем отражается твой свет;
Что я предмет, быть может, - не ужасней,
Что я предмет, быть может, - не ужасней
И в чем он может быть еще опасней
Того, в чем отражается твой свет.
Я где-то уже видел ту картину:
Дверь хлопает, и вновь стою один.
Иду к мольберту, не пишу рутину,
Пишу картину, каких нет картин.
Картина маслом писана вдогонку;
И жутко в памяти, - пусть отдохнет Гоген,-
Какой-то образ... В отношеньях тонких –
Не знаю что, но будто взят я плен...
Какой-то образ... В отношеньях тонких,
Какой-то образ... В отношеньях тонких,
Неясный, чуждый. Отхожу в Стронку...
В картине мне не нужный южный плен...
Крадется на Таити или в Гаити
К той, что пишу, ужасный южный зверь,
Он близок, вот и пасть его раскрыта,
Как вовремя ты спряталась за дверь!
Упущена возможность? Как у зверя, -
Взамен улыбки - как капкан - оскал.
Ты вышла? Честно? Навсегда? Но верь мне,
Я в твоих чреслах высшее искал;
Ты вышла? Честно? Навсегда? За двери?
Ты вышла? Честно? Навсегда? За двери?
Быть может потому, что не поверил?
В то, что ты есть тот высший идеал!
Да не поверил я, хоть и манеры
Статистики были, словно у княжны.
Но никаким манерам не поверю,
Пока они не высшим суждены.
Как, впрочем, никаким иным. Они же,
Как в ложе-кресле, в коем ты – княжна,
Огонь мой подпускаешь к себе ближе,
Но в северные льды облечена.
А мой огонь спускается все ниже,
А мой огонь спускается все ниже,

От сути – и не дальше, и - не ближе...

Там, где за дверью плен и тишина.

Там, где за дверью свет и тишина...

В пепле

Платонически мне изменила,

Да, и я изменял, но не так.

Ты слезу обо мне обронила,

Я ж сгораю, как Феникс, простак.

Не забыть мне, и ты не надейся, -

Как забыть обещала взамен, -

Лжи любви. Не слезой фарисейской

Смыть в минувшем любви нежной плен.

Да, и нежность была. Ты взываешь

К небесам, на коленях, склонясь.

Ты меня в нелюбви упрекаешь,

Трижды в небо крестом осеняясь.

Не пытайся мольбой многократной

К небу – вызвать его благодать!

Разве ведаешь ты, кто украдкой

Хочет Господу сердце отдать?!

Не стыдись тем, что было, не надо,

Чем природа – в обмен – воздала.

И не думай, что в этой награде

Вечный плен. Ты не с татем жила!

И не думай, что в этой награде

Вечный плен. Ты не с татем жила

Да, тебе изменил многократно,

Да, Платон далеко, чей-то друг,

Но не знаешь, что также украдкой

Он из пепла зовет в теплый круг.

Сколько лет, сколько зим мы в разлуке,

От любви далеко-далеко.

Но из пепла восстав, в даль подруге,

Свои вздохи мне слать не легко.

Я пытаюсь забыть, отвернуться

От чар жарких объятий и ног.

Если б мог я однажды вернуться,

Я б сгореть в них, как прежде, не смог.

Слишком много они прошагали

С той поры, как сгорели мы в тлен,

Безвозвратно пресытившись далью

Нашей близости жаркой взамен.

Не жалею о минувшем, не стоит,

Пеплом грусти судьба воздает,

И не думай, что жертва, - кто стонет,

И в том стоне невольно злословит,

И из пепла один восстает,

И в том стоне невольно злословит,

И из пепла один восстает,

И из пепла один восстает....

Стань Венерой

Что стоишь и дрожишь ты, натура?
Вот видала б тебя твоя мать!
А, тебе восемнадцать? Фигуру
Ты натурой пришла продавать?
Из деревни в Москву тусоваться?
Что, натуру продать – не беда?
Что, тебе даже больше, аж двадцать?!
Ну, тогда встань поближе, сюда!
Ты откройся Собой, не натурой,
За натуру плачу, а тебя
Я хочу приобнять, только с дуру
За Венеру не выдай себя.
Эх, кого здесь в Москве не бездомит!
Без тебя ж я Венеру свою
Не сваяю. Мне б только запомнить
То, что в страсти я мну и люблю!
Я сваяю. Мне б только запомнить
То, что в страсти я мну и люблю!
Я, видать, сам хорош, даже больше,
Но в любви, мне поверь, - не дурак.
Без тебя мне ни слаще, ни горше,
Без Венеры ж теперь мне никак!
Станет статуей твой юный образ, -
Все, чем глиной его облепил –
Брось: причем мои Эго и Эрос;
Пусть любил только плоть, но – любил!
Брось: причем мои Эго и Эрос;
Пусть любил только плоть, но – любил!
Что стоишь и дрожишь ты, натура?
Вот видала б тебя твоя мать!
А, тебе восемнадцать? Фигуру
Ты натурой пришла продавать?
Из деревни в Москву тусоваться?
Что, натуру продать – не беда?
Что, тебе даже больше, аж двадцать?!
Ну, тогда встань поближе, сюда!
Лишь того (не моли здесь пощады)
Не избыть из души – дорожу,
Что пока и души мне не надо
Без любви. Стань Венерой, прошу!

Старый пустырь

Он пустоват, он грубоват, внезапен -
Пустырь, который лучше обойти.
Здесь я впервые выпил, здесь же – запил.
В завязку впал. То ведомы пути.
Через тебя, замшелого, со ржою,
Прошли года и судьбы горьких грез,
Пустырь. Мы не расстанемся с тобою:
Все было здесь впервые и всерьез.
Пустырь, ты вновь напомнил нежный образ -
Ее походку, локоны до плеч.
Я здесь ее обнял, нажал на тормоз,
Но юности в себе не смог сберечь.
Потом еще не раз мы здесь встречались,
Потом ее отец врагом мне стал,
Мы ней еще чуть-чуть побаловались,
Потом ее любить я перестал.
Пустырь... Мы здесь мечтали, воровали
Чужих судеб неясные мечты,
Их на себя так глупо примеряли:
Довольно много в жизни значил ты!
И до чего же всем ты опостылел -
Проходу нет. Нет от тебя житья.
Ты в душах многих поселил пустыню:
Не каждый вышел выжившим, как я.
Кто я? Был одиноким, тем остался.
И, как в пустыне, - медленно страдал.
Но только в Бога не перерождался,
И Божьим человечком я не стал.
Пустырь мне выжег метку тунейдца,
И с ней иду по жизни, без креста?
Но с детских лет я тягот не боялся -
Я чувствовал всегда пример Христа.
Пустырь, пустырь... Судьбой не тороватой
Прошел я здесь накормлен и одет.
И все стоит здесь старый экскаватор -
Ржавее всех заржавленных судеб.
Пустырь, пустырь, позволил мне влюбляться,
Позволил и встречаться, и любить.
Ну, вот и все, пора навек расстаться,
Чтоб старое уже не ворошить.
Ну, вот и все, пора навек расстаться,
Чтоб старое уже не ворошить.
Чтоб как тебя любил - не ворошить.

У крыльца

Сейчас ты встанешь, аллилуйя! -
Полнее жизнь в себя вдохнешь,
Ведь ты, которую люблю я
В меня надеждою войдешь!
... Гуляет вечность по вселенной,
Найти пытаюсь край конца.
А ты, дров наколов, полено
Устало бросишь у крыльца.
Сощурившись на небо, взглянешь
Полнее - раз, другой. Вздохнешь.
«Ну, вот и ладно, - тихо скажешь. -
Кажись, - прибавишь, - будет дождь!
А то не дорастет капуста -
Как лопухи-то хороши!..»
Вселенных в вечности не густо,
Но края нет ее глуши.
А то я не пойду к вокзалу,
Чтоб зонтик кстати принести,
И нам вдвоем селу на зависть
Влюбленной парою пройти.
Гуляет вечность по вселенной,
Найти пытаюсь край конца.
А ты, дров наколов, полено
Устало бросишь у крыльца.
Сощурившись на небо, взглянешь
Полнее - раз, другой. Вздохнешь.
«Ну, вот и ладно, - тихо скажешь. -
Кажись, - прибавишь, - будет дождь!
«Ну, вот и ладно, - тихо скажешь. -
Дождусь тебя, и ты войдешь!..
Дождусь тебя, и ты войдешь!..»

Март

Сучий март, ну, а кошек - тем более...
Невзирая на вой и на боль мою,
Всю невинность дворов опошлил.
Из-под снега, как шубы собольи,
В теплоте необъятных раздолий -
Все в иголках - пригорки взошли.
Зажурчала вода снега талого,
Снега талого, снега не малого.
Порыжели, поблекли следы.
Воздух теплый мерцает опалово;
Вздохи чудятся марта усталого
От зимы, от снегов, от воды...
День придет, и следа не останется
От зимы. Каждый след зверя канется
На последнем пожухлом снегу.
По сухим зеленеющим скатертям,
Как щедроты к нетающим папертям,
Тени звонкой весны побегут.
И оглохнет срамное мяуканье.
Грозное раскатится уханье.
Суки в будках наладят уют...
К меньшим братьям и ласка, и руганье, -
Грызут кости, ворча, как испуганно.
Ну, а старшие - локти грызут...
Ну, а старшие - локти грызут...

Полу-свидание

Словно, лист кленовый, позолоченный,
После полу-зрячего дождя -
Парк. Атракционы заколочены.
Все - прощаюсь, полу-подождя.
Не пришла. Блефует ретушь дождичка.
Резка в пяльях кленов синь их вен.
Клена силуэт в полу-пальтошечке -
Мне в спешащей поступи взамен.
Тонкая, ранимая, как веточка,
Что унес кленовый лист с собой,
Набрала кленовых листьев девочка,
Мытых пеной полу-дождевой.
Двадцать девять пятого... Полпятого...
Тля любовных грез - ничто, пятно...
Дым фантома черного, проклятого,
Застит свет. Но – полу-все равно!
Я иду, полу-спеша, с оглядкой.
Дождик не в полагоря кляню.
Я иду, и про себя – украдкой -
Признаю свою полу-вину.
Я иду, полу-спеша, с оглядкой.
Дождик не в полагоря кляню.
Я иду, и про себя – украдкой -
Признаю свою полу-вину.
Да, недо-признался, пере-жадничал.
Где теперь туманный мой причал?
Обе половинки стройной задницы
Мне туман вдали пообещал.
Я не гордый: в зыбь болота белого
Погружусь своей полу-тоской;
И телодвижением дебелого
Все мосты разрушу за собой.
Только ты, - в промокшем парке с кленами,
С бронзовой листвою, с медной, пусть,
Словно, свет, с туманными плафонами, -
В полумраке мой причалишь путь!
Так прими ж меня, мой парк калеченый -
Вновь аттракцион заколеси!
Лист кленовый, пятипалый клетчатый, -
Подними упавшего, спаси!
Так прими ж меня, мой парк калеченый -
Вновь аттракцион заколеси!
Лист кленовый, пятипалый клетчатый, -
Подними упавшего, спаси!

Лист кленовый, пятипалый клетчатый, -

Подними упавшего, спаси!
Подними упавшего, спаси

Пруд

Долгим, долгим оловянным взором,
Где в дыму заката лес, как трут, -
В след глядит с низины древний пруд.
Взор тяжел и мягок. Здешний морок
Не сочтет и каверзу за труд:
То заманит, то отпустит с миром,
Древний пруд, в лукавой ворожбе.
От него уходят вдаль, пунктиром, -
Словно, здесь сплелись границы мира, -
Все пустые страхи о тебе.
Что разлука! Рознит нас с вселенной,
Через пруд, где олова - верста,
И не счастье: искры здесь – мгновенны.
Рознит, растлевают суета.
Что разлука! Рознит нас с вселенной,
Через пруд, где олова - верста,
И не счастье: искры здесь – мгновенны.
Рознит, растлевают суета
Все забыть, отбросить прочь, просыпать -
И зависнуть дымкой над прудом...
Позабить? Росой на время выпасть?
Или, словно трут, мгновенно вспыхнуть?
Что-то в это верится с трудом!
Маята... Твой образ, - словно, призрак,
Там, где над прудом завис мой взор.
Пруд уже вдали: и сер, и низок,
Оловянной кляксой среди гор...
Маята... И пруд, поди, туда же -
Олово кипит в его ковше.
Кажется, ему зачем-то важно, -
Будто полюбил и он однажды, -
Знать, что в нем осело на душе.
Мне не по душе характер зяблый:
Нрав тяжел здесь, хоть и гибок плёс;
Лес и озеро; приют нежнейших рос!
Я любовь с собою, может, взял бы,
Но к разлуке всей душой прирос.
Я любовь с собою, может, взял бы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.